

На состоявшемся 4 мая 1960 года Пленуме ЦК произошли заметные кадровые изменения. Они как бы подвели промежуточный итог непрекращавшемуся соперничеству за второе место в советской иерархии. На авторитет отца тогда еще не покушались. Борьба шла за Секретариат ЦК КПСС, кому его вести, кому готовить вопросы. «Кто ведет Секретариат, у того больше власти», – я процитировал слова Первого секретаря Компартии Украины Подгорного.

Последние годы Секретариат вел Кириченко. С конца 1957 года, после переезда в Москву, он набрал силу, постепенно прибрал к рукам кадры, все больше вмешивался в дела военных, не пропускал мимо себя ни одного награждения. Отец ему доверял, старался не замечать его фанфаронство и неоправданную грубость.

Позиции Кириченко казались бы непоколебимыми, если бы не Игнатов и все больше склонявшиеся на его сторону Аристов с Фурцевой. Подковерная борьба между Кириченко и Игнатовым не утихала ни на минуту. Как бы со стороны, но так, чтобы успеть вмешаться в подходящий момент, за ней наблюдали Козлов с Микояном. Отец до поры до времени держался над схваткой и, думаю, не знал о всех деталях происходившего за его спиной.

После отставки в конце 1958 года Серова позиции Игнатова пошатнулись. Постоянные перешептывания, реальные или мнимые, занимавшегося сельским хозяйством секретаря ЦК и председателя КГБ не могли не возбудить подозрений. 24 марта 1959 года Президиум ЦК решил «поднять престиж» Российской Федерации и предложил избрать Игнатова Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, сохранив за ним пост секретаря ЦК. Кто «готовил» предложение, я не знаю, думаю, что Микоян с Козловым подкинули идею Кириченко, а уж он пошел с ней к Хрущеву. Отец его поддержал. С одной стороны, он действительно считал необходимым «поднимать Федерацию», с другой – предлагаемая кадровая перестановка разряжала накалявшуюся атмосферу в Секретариате ЦК. На заседании отец охарактеризовал Игнатова как человека умного, с характером и по возрасту подходящим.

«Правильное предложение», – немедленно «поддержал» отца Козлов. К Козлову присоединился Полянский, остальные – промолчали.

Игнатову оставалось только поблагодарить за оказанное доверие.

16 апреля 1959 года сессия Верховного Совета РСФСР единогласно избрала Игнатова председателем своего Президиума. На июньском Пленуме 1959 года в проект резолюции по последнему, кадровому вопросу Кириченко, уже по собственной инициативе, вписал строчку «об освобождении товарища Н. Г. Игнатова от обязанностей секретаря ЦК КПСС в связи с переходом на другую работу». Но не такой был человек Николай Григорьевич, чтобы смириться. В последний момент, накануне открытия Пленума, по его просьбе Фурцева с Аристовым пошли к Хрущеву и убедили его, что пострадает репутация Игнатова – Председателя Президиума Верховного Совета Российской Федерации, такое решение все воспримут как понижение, тогда как в апреле они решили его авторитет поднять. Отец снял с повестки дня вопрос об Игнатове.

В роли полуофициального второго секретаря ЦК Кириченко явно не тянул, народное хозяйство знал поверхностно, отсутствовала у него широта взглядов, способность охватить проблему во всесоюзном, а тем более мировом масштабе. Он так и не смог подняться выше уровня послевоенного секретаря обкома. Отец все чаще высказывал недовольство своим

протее. К тому же, избавившись от Игнатова, Кириченко повел себя в Секретариате ЦК хозяином, грубил, настроил против себя всех других секретарей, даже тех, кто еще недавно его поддерживал. Естественно, все они при удобном случае жаловались Хрущеву, и не без оснований.

К осени 1959 года вопрос назрел. Сразу после Октябрьских праздников отец поставил на Президиуме ЦК вопрос о работе Секретариата, по сути – персональное дело Кириченко.

– Работа в коллективе не сложилась. Признания вторым лицом в руководстве нет ни у кого. И не надо, а то он начинает проводить собственную линию в подборе кадров, – сказал он во вступительном слове. – Все секретари имеют равные права и впредь пусть председательствуют по очереди, надо сохранить демократичность, кадровые вопросы решать на заседании Секретариата коллективно. При их решении условия у всех равны. Курирование Отдела партийных органов ни за кем закреплять не надо.

Слова отца означали конец власти Кириченко и в какой-то степени реванш Игнатова, хотя сам он на том заседании держался скромно, высказывался сдержанно:

– Товарищ Хрущев правильно ставит вопрос. Речь идет об укреплении коллективного руководства, его демократизации.

Затем начались прения. На Кириченко навалились все скопом, особенно ему досталось за монополизацию кадровых назначений.

– Не закреплять кадры, не делать их чьей-то вотчиной. Нельзя монополизировать и представления к награждениям, – начал атаку Суслов.

Его тут же поддержал Брежнев, пожаловался, что аппарат начинает ориентироваться на «определенное» лицо, что сказывается на периферии. Брежнев никогда не любил Кириченко, завидовал ему: его, такого же секретаря обкома, как и Кириченко, и на фронте званием обделили, и затем первым на Украине назначили не его, а Кириченко, и в Москве Хрущев отдал предпочтение Кириченко, а не ему.⁶²

Кириченко платил Брежневу той же монетой, при случае мог на него и прикрикнуть. Брежнев терпел и теперь дал себе волю.

На заседании выступили практически все, и говорили об одном – о монополизации кадровых назначений, о грубости Кириченко, его необъективности, злопамятности. Слова произносили разные, но все они звучали в унисон. Я остановлюсь на трех выступлениях. Начну с Фурцевой, напомнив, что она все теснее ассоциировала себя с Игнатовым.

– Вопрос решается важный, – осторожно начала Екатерина Алексеевна и перешла к перечислению грехов Кириченко: – Никто Кириченко не поручал курировать военные кадры, он такое право узурпировал. То же самое происходит с кадрами Госбезопасности и вообще с кадрами. Только от него и слышишь: «Я его не знаю. Я с ним не встречался». С аппаратом надо работать. Кириченко по характеру – честолюбец и властолюбец.

Фурцева высказала все, что накопило на душе, и не столько у нее, сколько у Игнатова. Но если бы из уст Игнатова подобные обвинения прозвучали бы сомнительно, то у Фурцевой они казались искренним криком души, произвели необходимое впечатление на всех и на отца.

– Большое и принципиальное значение имеют предложения товарища Хрущева, – Козлов говорил, взвешивая каждое слово. – Нельзя кадры пропускать сквозь руки одного человека, и награждения – нельзя.

По существу он ничего не сказал, но говорил уверенно, с чувством собственного достоинства и как бы немного отстраненно, что произвело выгодное впечатление.

⁶² После начала войны секретарей обкомов оккупированных немцами областей призвали в армию, поручили им руководить политической работой, Брежневу в звании полковника, а Кириченко – генерал-майора.

Микоян поддержал отца, сказал, что высказанные им предложения «важные и правильные» и по Секретариату, и по военным, а вот в кадрах он профан, не знал, что происходит. Утерю Кириченко позиций Микоян воспринимал как собственное поражение, понимал, что теперь поднимутся акции не одного Козлова, но и, возможно, Игнатова. К тому же, оба они и умнее, и изворотливее простака Кириченко.

– Такой бани я еще не испытывал, – начал свое последнее слово Кириченко и, уже напрямую обращаясь к отцу, воскликнул: – Самое тяжелое, создается впечатление, что я к вам хуже отношусь. Это не так, мне что-то хотят пришить.

Кириченко еще не понял: всё, что хотели, ему уже «пришили».

– Вы, товарищ Кириченко, просто зазнались и все переводите на персоналии, – холодно отреагировал отец и перешел к делу. – Надо сделать шаг вперед в системе нашего руководства, поменять стиль. Секретариатом впредь руководить по очереди, помесячно, по алфавиту.

26 ноября 1959 года единогласно было принято решение: «На заседании Секретариата секретари ЦК председательствуют поочередно (помесячно)... Предложения об утверждениях и перемещениях наиболее ответственных работников отделов ЦК должны докладываться непосредственно Секретариату ЦК КПСС как органу коллективного руководства». На него же возлагалось коллективное «наблюдение за работой Отдела партийных органов и Отдела административных органов ЦК КПСС».

По существу, очень правильное и демократичное решение, но технически нереализуемое. На Секретариате невозможно коллективно изучить десяток досье кандидатов на замещение вакансии секретаря обкома, командующего армией или посла. Председательствовать на Секретариате можно по очереди, но готовить заседание все равно кому-то придется, и не помесячно, а постоянно. Иначе наступит хаос, каждый месяц все придется начинать сначала. А кто готовит вопросы, тот, независимо как называть его пост, и будет реально влиять на решение. Вот только кто? Теперь явно не Кириченко. На власть открыто претендовали Козлов и Игнатов и, как всегда, неявно, Микоян. Они и начали разыгрывать партию политических шахмат.

26 ноября 1959 года сессия Верховного Совета РСФСР освободила товарища Н. Г. Игнатова от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, так как «ЦК КПСС признал необходимым, чтобы Н. Г. Игнатов находился на основной работе секретарем ЦК КПСС». Таким образом, фигуры на политической шахматной доске вернулись в исходное положение. Все, за исключением «ферзя», Кириченко. Отец решил с ним распрощаться и поручил подыскать ему какую-либо должность, но только не в Москве. 7 января 1960 года Кириченко окончательно выбыл из игры. На заседании Президиума ЦК предложения доложил Брежнев: «Секретарем Ростовского обкома КПСС или послом в Чехословакию, на выбор».

Кириченко «поблагодарил за доверие и согласился пойти на любую, меньшую хотя бы в десять раз, работу, чем предлагают». Поразмыслив, выбрал Чехословакию, но от него уже ничего не зависело, Секретариат ЦК отправил его в Ростов.

Игнатов чувствовал себя на коне. А тут еще отец отсутствовал, почти весь февраль 1960 года путешествовал по Юго-Восточной Азии, в конце марта уехал на две недели во Францию. Кириченко формально сохранял все свои регалии, но с ним уже никто не считался. В Кремле возник вакуум власти, и Игнатов без колебаний решил заполнить его собой. Хотя в отсутствие отца на заседаниях Президиума ЦК председательствовали по очереди, Игнатов считал себя «вторым», а в доверительных беседах всем желающим слушать сообщал, что он на деле «первый», ну почти «первый» – пока Хрущев разъезжает по миру, кому-то приходится руководить страной, и этот кто-то – он, Игнатов. И вообще, Хрущев без него шагу

ступить не может. К тому же он, Игнатов, сыграл главную роль в июньском кризисе 1957 года, он организовал «двадцатку», он «спас» Хрущева, и тот ему обязан по гроб жизни.

Фурцева с Аристовым вели себя осторожнее, но постепенно все больше начинали верить в восходящую звезду Игнатова и с каждым днем смелели. Остальные члены Президиума ЦК молча наблюдали за происходившим. С Игнатовым, человеком властным и злопамятным, отношений не портили. Козлов с Микояном демонстрировали дружбу Николаю Григорьевичу. Анастас Иванович, по его собственным словам, к Игнатову «хорошо относился: выходец из рабочих, ловкий и активный в работе», рассчитывал, что они сработаются, Игнатова ему удастся «приручить», но потом понял: нет, не сработаются, тот себе на уме и в Микояне не нуждается. И сразу выяснилось, что «он (Игнатов. – С. Х.) оказался неисправимым интриганом с непомерными амбициями».

Микоян объединился с Козловым, и теперь они все «художества» Игнатова в красках расписывали отцу. Первый заход они сделали по возвращении отца из Индонезии, но тот никак не отреагировал. После французской поездки, по свидетельству Микояна, «Козлов рассказал Хрущеву, что есть такая группа: Игнатов, Аристов, Фурцева. Я его поддержал, хотя мне жаль было Фурцеву. Но невозможно было ее отделить, она была целиком с ними. Аристов был неподходящий человек, с большими претензиями. Между прочим, он почему-то скрывал, что не русский, а татарин».

Я не понял, при чем тут национальность и почему это важно для Микояна, но бог с ним.

Отец тогда промолчал, но выводы для себя сделал. В воспоминаниях Анастас Иванович не упомянул о своих частных разговорах с Хрущевым, а их не могло не быть, они неформально общались, если не ежедневно, то через день, после работы вместе прогуливались по Ленинским горам, потом вместе пили чай. Аппаратные игры продолжались четыре месяца, до мая.

В мае выяснилось, что проиграли оба: и Кириченко, и Игнатов. 4 мая Кириченко формально лишили постов члена Президиума и секретаря ЦК, а на его место секретарем ЦК Пленум избрал Фрола Романовича Козлова. Одновременно с Кириченко вывели из Секретариата ЦК Игнатова, его назначили заместителем Председателя Совета Министров СССР, но не первым, поручили заниматься заготовкой сельскохозяйственных продуктов. Вслед за ним «ушли» из секретарей ЦК двоих наиболее явных «игнатовцев» – Аристова и Фурцеву. Екатерину Алексеевну определили в министры культуры вместо уехавшего послом в Индонезию Михайлова, а Аверкия Борисовича «попросили сосредоточиться» на работе в Бюро ЦК по РСФСР. О Фурцевой отец дома ничего не говорил, мне кажется, что он ее по-человечески жалел. Но политика жалости не приемлет. А вот об Аристове он отзывался с досадой: «С ним начинаешь говорить о деле, а он все переводит на рыбалку».

Много позже, уже на пенсии, отец рассказал мне, что, рассадив всех по разным углам, он надеялся свести на нет игнатовское интриганство. По каким-то причинам он недооценил характер Игнатова, не принял в расчет, что тот не успокоится, не оставит мечты о высшей власти. И просчитался...

Я иногда задумываюсь, оставил бы он как есть эту троицу: Игнатов, Кириченко, Козлов, да плюс еще Микоян, – и грызлись бы они между собой, а он спокойно, без всякой угрозы для собственной власти, наблюдал за ними, изредка вмешивался, поддерживая то одного, то другого. Наверное, так было бы правильнее, но при одном условии: если бы отец не заботился в первую голову о деле. Власть для него всегда оставалась лишь инструментом. Так что со своих позиций он действовал логично.

На майском Пленуме произошли еще кое-какие изменения. Идеолога академика Петра Николаевича Пospelова обвинили в догматизме, приверженности к старым сталинским стереотипам в мышлении, и вслед за Аристовым «переместили» в Бюро ЦК по РСФСР, а затем и вовсе отправили заведовать Институтом марксизма-ленинизма.

Николай Ильич Беляев, который, как и Кириченко, с января уже фактически не работал, но еще формально состоял в высшем органе власти, теперь перестал наконец «числиться» в Президиуме ЦК.

Поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР лишился Климент Ефремович Ворошилов, последний из членов «антипартийной группы». После июня 1957 года он всеми способами демонстрировал верность отцу, однако возраст брал свое, и держать Ворошилова на столь высокой должности стало нецелесообразно. Жаловались на старика давно, но отец все медлил. Наконец решился. На место Ворошилова предложили избрать Брежнева, молодого, энергичного, проверенного и, как считал отец, абсолютно ему преданного. При этом Брежнев еще пару месяцев, до очередного, июльского, Пленума ЦК, продолжал оставаться секретарем ЦК.

Леонид Ильич быстро освоился в кремлевском кабинете Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Он пришелся ему по душе куда больше цековского на Старой площади. Там – бесконечные заботы, дразги между совнархозами, заводами, своенравными генеральными и главными конструкторами. В ЦК Брежнев, в числе других обязанностей, курировал оборонку. Приходилось непрерывно что-то решать, с кем-то конфликтовать, кого-то обижать. И не ровен час Королев, Янгель, Макеев или Туполев нажалуются Хрущеву.

Ныне же все переменялось: приемы верительных грамот у иностранных послов, формальные, ни к чему не обязывающие речи, рукопожатия, шампанское, легкая беседа. Еще приятнее вручение орденов и иных наград: счастливые улыбки, объятия, обмен поцелуями, групповое фото на память и снова шампанское. Но даже все это не шло ни в какое сравнение с государственными визитами: красная ковровая дорожка на аэродроме, вышколенный почетный караул, встречи, приемы, беседы. Собеседники-иностранцы знали, что новая должность Брежнева чисто представительская, и серьезных, тем более неприятных вопросов не поднимали, держались в рамках протокола.

Такая жизнь без особых хлопот и обязанностей в мишуре показного почета более чем соответствовала характеру Брежнева, человека легкого, компанейского, любителя застолий, дорогого коньяка (в меру) и хорошеньких женщин. Отец его в шутку называл «человек-праздник». Брежнев не обижался, и собственно, на что тут обижаться. С цековским кабинетом Леонид Ильич расстался без сожаления.

В Президиум ЦК вместо выбывших Кириченко, Беляева и Ворошилова, правда последнего формально уберут только в июле, доизбрали трех новых членов: первого заместителя отца в Совете Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина, Николая Викторовича Подгорного из Киева и Дмитрия Степановича Полянского, Председателя Правительства России.

Кадровые решения приняли на заседании Президиума ЦК в последний момент, накануне открытия Пленума. Их единогласно поддержали все, в том числе и сами увольняемые.

– Предложенная расстановка будет содействовать улучшению работы, – первым из уходящих высказался Игнатов.

Аристов и Кириченко повторили эту формулировку слово в слово.

– Я считаю предложения правильными, что же касается меня, то я согласна работать на любом участке, – Фурцева была чуть многословней.

– Согласен со всеми предложениями, – это слова Беляева.

– Предложения Никиты Сергеевича носят глубоко продуманный характер, – Пospelов не обошелся без реверанса.

Один только Ворошилов промолчал.

Итак, в результате майских перестановок во власти отцу удалось мирно разрешить назревавший было кризис. Разрешить, естественно, на время, пока не появятся новые «претенденты», с новыми властными амбициями, и не сформируют вокруг себя новые группировки.

ровки, чем «победители» немедленно и занялись. Алексея Илларионовича и Николая Григорьевича сменили Фрол Романович и Анастас Иванович, два первых заместителя отца, Козлов – в ЦК КПСС, Микоян – в Совете Министров. И все началось сначала, вернее продолжилось, ибо борьба за власть не заканчивается никогда.

Отцу Козлов нравился все больше. На фоне коллег он выделялся умением быстро ухватить суть дела, да и опыт работы, партийной и хозяйственной, у него накопился немалый. Для хлопотной должности «второго», как его ни называй, лица в партии, а следовательно, и в государстве – это немало.

Политические взгляды Козлова не отличались радикальностью, но в тот момент он полностью, даже в мелочах, шаг в шаг следовал линии отца. Да и о каких разногласиях в момент избрания могла идти речь?

С приходом Козлова период «вольницы» в Секретариате закончился, 2 июня 1960 года Президиум ЦК «Возложил на товарища Козлова Ф. Р. председательствование на заседаниях Секретариата ЦК КПСС, а так же рассмотрение материалов и подготовку вопросов к заседаниям».

Перемещение Козлова в ЦК, пусть и с повышением, поначалу устраивало Микояна, теперь он оставался единственным «настоящим» первым заместителем отца в правительстве. Правда, первым заместителем Председателя Совета Министров назначили еще и Косыгина, но Анастас Иванович не считал его равней. Микоян предпочел бы, чтобы в ЦК оставался Кириченко, но и с Козловым он рассчитывал управиться. Не управился. Козлов Микояну оказался не по зубам.

«Вначале, когда мы работали в Совете Министров, Козлов старался заручиться моей поддержкой, дружить со мной, – пишет Микоян. – Вскоре... роль Козлова стала возрастать... Зная его, я представлял, насколько он опасен. Он мог попытаться действовать сталинскими приемами... и принес бы много бед в любом случае... Это Козлов помешал опубликованию материалов, доказывающих неправильность открытых процессов 1936–1938 годов, воспрепятствовал реабилитации Бухарина и других... Когда Игнатов перестал представлять опасность для Козлова, он стал бороться против меня. Я оставался последним, кто еще мог влиять на Хрущева».

Что думал Козлов о Микояне, мы не знаем: человек скрытный, он не оставил ни письменных, ни устных свидетельств.